

ОСТРОВ ГОТЛАНД И SCANDO-BALTICA

„Für die Verbreitung dieser sprachlichen Züge hat die Ostsee die größte Rolle gespielt. Ihr Charakter als Binnenmeer, dessen Verkehr in vieler Hinsicht die Küsten näher miteinander als mit dem Binnenland verband, ist im hohen Grade wesentlich...“ (S. Fries, *Öländskt och uppsvenskt*, Uppsala, 1962, 76).

Прогресс в лингвистических исследованиях привел к тому, что в современной науке при исследовании взаимоотношений между языками наблюдается растущая тенденция к конкретизации: в индоевропеистике — изучение связей между отдельными группами языков, в сравнительных разысканиях в области дву- и многосторонних объединений таких групп — студии над общими явлениями тех или иных языков, в сфере контактов между конкретными языками — исследование соответствующих процессов на уровне диалектов.

В качестве примеров такой ступенчатой градации с участием тех языков, в которых мы в данном случае заинтересованы, можно назвать работу Хр. Станга об особых лексических соответствиях между славянским, балтийским и германским¹, список Ж. де Фриса, содержащий около двух десятков слов, ставших предметом взаимообмена между скандинавами, с одной стороны, а также латышами и литовцами — с другой². Что же касается скандо-балтийских междиалектных связей, то здесь следует указать на остров Готланд, о чем речь пойдет ниже.

¹ См. Chr. Stang, *Lexikalische Sondernübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen* (Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, N 11), Oslo-Bergen—Tromsø, 1972.

² Jan de Vries, *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*, Leiden, 1962, XXXII—XXXIII.

1. Остров Готланд (к лингвистическим связям)

1. 1. В центральной части Балтийского моря находится его самый крупный остров — Готланд. Как пишет шведский историк И. Андерссон, „уже в древнейшую эпоху переселения народов, а также при викингах остров Готланд играл значительную роль и в торговле, и в войнах, которыми была так богата история скандинавских стран. И впоследствии жители острова очень долгое время продолжали плавать вдоль южных и западных берегов Балтийского моря и совершать поездки в Россию...“³.

Действительно, Готланд рано появляется на исторической карте балтийских и соседних с ними славянских народов. Так, в Латвии, на территории Курземе, к югу от г. Гробини (см. карту 1) был раскопан готландский могильник, свидетельствующий о существовании здесь в VII и VIII вв. н. э. поселения выходцев с этого острова⁴. На Готланде были найдены сребреники Владимира и Ярослава⁵, от 1223—1225 и 1229 гг. до нас дошёл ряд списков договоров Смоленска с Ригой и Готландом („готский берег“)⁶ и т. д. Контакты с Готландом продолжались и в последующие века.

1. 2. 0. С лингвистической точки зрения Готланд — это территория говора, называемого гутнийским, или готландским (швед. *gotländska, gutamål, gutniska*⁷), который в области скандинавских языков принадлежит к числу „наиболее архаичных и интересных говоров“⁸, а в самом ареале шведского языка является „наиболее отличным от шведской национальной нормы“⁹.

1. 2. 1. Наиболее давним, общим для балтов и славян лингвистическим результатом контактов с Готландом было то, что как одни, так и другие стали употреблять название жителя этого острова. Так появился термин *г/ѡ/тинъ* в древнерусских грамотах XIII—XIV вв.¹⁰, а к древнейшим отражениям этого названия в балтийских языках¹¹, в частности на территории ближайшей к

³ И. Андерссон, История Швеции, Москва, 1951, 77—78.

⁴ S. Mews, *Gotlands Handel und Verkehr bis zum Auftreten der Hansen (12. Jahrhundert)*, Greifswald, 1937, 20. Интересно, что другой могильник — к востоку от Гробини был по своему характеру центральношведским (там же).

⁵ В. М. Потин, Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.), — Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв., Ленинград, 1970, 78.

⁶ См. сб.: Смоленские грамоты XIII—XIV веков, Москва, 1963, 10—62.

⁷ См. *Vonniers Lexikon*, VI, Stockholm, 1963, 215.

⁸ Э. Вессен, Скандинавские языки, Москва, 1949, 22.

⁹ М. И. Стеблин-Каменский, История скандинавских языков, Москва—Ленинград, 1953, 150.

¹⁰ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I, Москва, 1964, 448.

¹¹ R. Ekblom, *Balt. gudas und schw. gute „Gotländer“*, — *Rakstu krājums. Veltījums akad. prof. dr. J. Endzelīnam...*, Rīgā, 1959, 91—99.

Готланду Курземе, по-видимому, следует отнести топоним *Gudden* под 1386 г.¹² (ныне *Gudenieki*, Кулдигского р-на), а также антропоним *Peter Gudde* (г. Дундага, 1582—1583 гг.)¹³.

Известно также и древнерусское заимствование из области апеллятивов: так в полоцкой грамоте 1330 г. упоминается название монеты *оврь*, происходящее от древнегютнийской (т. е. древнеготландской) формы *oyri*, ср. лат. *aureus* „золотой“¹⁴.

Приведенный пример, относящийся к области, именуемой *scando-slavica*, ставит вопрос и о языковых следах связей типа *scando-baltica*: ведь значительная часть скандо-славянских контактов осуществлялась через земли балтийских народов.

1. 2. 2. В своих взаимосвязях со славянами и балтами Готланд не только давал им своё, но и, по-видимому, выполнял также роль посредника в процессе заимствования ими из третьих языков. В связи с этим укажем, что Т. Йоганниссон, касаясь вопроса о немецко-скандинавских контактах, сказал, что остров Готланд „был только станцией на пути“¹⁵. Эти слова можно понимать не только в прямом, но и в переносном смысле, если иметь в виду, так сказать, „транзиты“ языковых влияний. В самом деле, географическое положение Готланда почти посреди Балтийского моря не может не быть одновременно и лингвогеографическим. В современной науке всё больше развивается мысль об изоглоссах, образно говоря, идущих „по морю, яко по суху“, — ср. тезисы о море как посреднике в лингвистических взаимовлияниях¹⁶ и даже как центре языковых территорий¹⁷. Несомненно, что часть такой роли на Балтике должен был выполнять и выполнял Готланд.

1. 2. 3. Когда ставится вопрос о дифференцировании балтоскандинавских языковых отношений, следует прежде всего думать о Готланде как территориально ближайшем к современным балтам скандинавском говоре. В этой конкретизации можно увидеть немало интересного.

В самом деле, почему, например, ближайшая к Готланду часть Латвии называется *Курземе*, а не „*Кургале*“, как расположенная дальше к востоку

¹² V. Kiparsky, Die Kurenfrage (Annales Academiae scientiarum Fennicae, B, XLII) Helsinki, 1939, 104; J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, I, 1, Rīgā, 1956, 336—377.

¹³ E. Blese, Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas, I, Rīgā, 1929, 107—108, 287.

¹⁴ М. Фасмер, ук. соч., III, 1971, 116.

¹⁵ T. Johannisson, Deutsch-nordischer Lehnwortaustausch, — Wortgeographie und Gesellschaft. Herausgegeben von W. Mitzka, Berlin, 1968, 607.

¹⁶ H. R. Kahane, The Sea as a Medium of Linguistic Diffusion, — Italice, XXVIII, 1951, 287 и сл.

¹⁷ Подробнее об этом см. В. М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, Москва—Ленинград, 1964, 287—288 и 290.

Земгале (см. карту № 1)? А, с другой стороны, чем объяснить тот факт, что северная граница распространения названий населенных пунктов с суффиксом *-ing-* (в которых можно найти следы функции этого форманта образовывать наименования жителей) проходит не в Курземе (исключение — Кулдига?), а в Жемайтии, хотя на Готланде такое *-ing-* весьма характерно?

Вопросы ареальной типологии на уровне как сложений, так и отдельных компонентов, а также формантов должны войти в программу направления *scando-baltica*.

1. 2. 4. Вместе с тем необходимо вести и поиски соответствий и заимствований в отдельных группах лексики. До сих пор встречались только некоторые элементы такого подхода. Так, например, в 1920 г. шведский лингвист Э. Лиден опубликовал статью, в которой, в частности, указал на два примера балто-готландских лексических связей: прус. *wilnis* Е. 566 „Quarpe“ — готл. *ylla* „налим (*Lota vulgaris*)“, а также лат. *valks* „ручей“ — готл. *valgar* „rivuli, ручьи“¹⁸. Эти параллели вошли в „золотой запас“ балтийской этимологии, однако лингвогеографической стороне приведенных сближений не было уделено внимания. Вместе с тем не разобщенные в словарях, а поставленные рядом друг с другом (как впервые это сделал К. Буга¹⁹), данные изолексы ставят вопрос о месте острова Готланда в скандо-балтийских языковых связях вообще и об ареале соответствующих балтийских и скандинавских слов в частности.

Ниже мы рассмотрим два примера готландско-балтийских языковых связей в области местных географических терминов, продолжив один из сюжетов Э. Лидена.

2. Лат. *Brital-mežs* — готл. *brite* (эланд. *bryttel*)

2. 1. *Brital-mežs*, лес (Злекас)²⁰, т.е. ныне на территории Злекского сельсовета Вентспилсского р-на Латвийской ССР. В качестве источника этого факта Я. Эндзелин в своем топонимическом словаре указал университетское издание работы Ю. Плакиса 1936 г. Однако, если быть точнее, то рассматриваемое название (со ссылкой на рукописный топонимический сборник А. Биленштейна) впервые опубликовал сам Я. Эндзелин в 1925 г.²¹ в таком контек-

¹⁸ E. Lidén, Ordhistoriska bidrag, — Göteborgs Högskolas årskrift, XXVI, 1920, 88 и след., 95 и 96.

¹⁹ K. Būga, RR II 152.

²⁰ J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, I, 1, Rīgā, 1956, 130 (далее — Endz.).

²¹ Его же, Latvijas vietu vārdi, II, Kurzemes un Latgales vārdi, Rīgā, 1925, 155.

те — „*meži: didel-m., „brital-m.“, „trusen-m.“, grīvu m., valkadanga“*. Следовательно, интересующий нас топоним был зафиксирован еще в конце XIX в.

2. 1. 1. Единственное ономастическое соответствие топониму *Brital-mežs*, которое удалось нам найти на территории Латвии, это фамилия *Britals*, упомянутая в титрах фильма „Тройная проверка“ (Рижская киностудия), демонстрировавшегося в 1970 г. Рижане — носители этой „очень редкой“ фамилии являются выходцами из волости Рауна, ныне Цесисского р-на (см. карту № 1)²².

2. 1. 2. Интересно, что и крестьянская усадьба *Britas*, название которой Я. Эндзелин привел без объяснения (как и форму *Brital-mežs*), также относится к Цесисскому р-ну (Сермукши) (Endz., I (1) 130). Каких-либо дополнительных лингвистических соображений в пользу того или иного происхождения топонима *Britas* пока нет, однако следует заметить, что это название, как и антропоним *Britals*, локализуется на территории Видземе, которая, как известно, в 1629—1721 гг. входила в состав Швеции (см. карту № 1).

2. 2. По материалам топонимической картотеки Литвы, в ареале литовского языка отмечено два названия с интересующей нас основой: *Britgaurė* (кладбище, Рауденай, Шяуляйского р-на) и *Brytgaurỹnė* (поле, Варняй, Тельшяйского р-на)²³. Оба топонима локализируются на территории Жемайтии и, видимо, являются тождественными по своим компонентам. Относительно второго члена сложения *gaur-* необходимо напомнить, что однокоренные с ним топонимы в жемайтійском ареале (*Gaurė* и под.) К. Буга считал куршскими²⁴. Однако эта основа неясна — ср. *Gaurukas*. В Латвии такие названия локализируются в основном на территории Земгале (Endz., I(1) 304).

2. 2. 1. Характерно, что в перечне объектов природы, к которым относятся в Латвии названия типа *Gaura*, гора, лес, озеро и река представлены не более чем дважды, тогда как луг (*plava*) встречается 8 раз. Надо полагать, что это неслучайно; ср. при одном из таких „луговых“ топонимов замечание: *tur augot nezāle „gaura“* (Endz., там же). Действительно, в латышском языке известно название такого сорняка как *gauris* „торица полевая, *spergula arvensis*“, соответствие которому отмечено и в Жемайтии: *gaurius „herba hirsuta in lino crescens = spergula arvensis?“* (RR II 352). С другой стороны, среди всех собранных Я. Эндзелином воплощений этой лексемы в латышской топонимии нет ни единого примера, где *Gaura* или производные от нее образования имели бы при себе определение. А если это так, то трудно ожидать, чтобы рассматри-

²² По устному сообщению вдовы А. Бриталса (Рига).

²³ Институт языка и литературы АН Литовской ССР (Вильнюс).

²⁴ К. Būga, RR III 239.

²⁵ А. Vanagas, Lietuvos TSR hidronimų daryba, Vilnius, 1970, 196.

ваемая лексема могла выступать и в роли второго, определяемого члена композиты.

2. 2. 2. Сказанное позволяет утверждать, что существует структурное расхождение между литовскими топонимами *Britgaurė* и *Brytgaurỹnė*, с одной стороны, и целым рядом латышских местных названий, являющихся дериватами от аппелятива *gaiŗa*, — с другой. Причина такой дифференциации заключена, видно, в том, что последний не является географическим термином. И то, что в литовских фактах названная терминологичность структурно обнаруживает себя, свидетельствует об иной семантике компонента *gaur* в рассматриваемых сложениях, чем это могло показаться на первый взгляд при сопоставлении с материалами латышского языка. Какое значение имеет выделенный таким способом географический термин — это особый вопрос. Скорее всего, здесь следует усматривать отражение лит. *gidurė* „известковая почва“ (E. Fraenkel, LEW, 179), с которым, кстати, связаны общностью происхождения и упомянутые выше названия из области флоры (там же, 140). Все это представляет интерес для выявления семантики элемента *Brit-* (*Bryt-*).

2. 3. 0. Специальный словарь, посвященный лексике Готланда (*Gotländsk ordbok på grundval av C. och P. A. Säves samlingar*, Bd. 1–2, Uppsala, 1918–45), поместил статью о географическом термине, общая форма которого была с вопросительным знаком подана как **breta*, а ряд частных составляли варианты — *brita*, *britå*, *britä*, *britur*, *britar*, *brite*, — имевшие в различных волостях такие значения: „подводная скала“, „отвесная скала около моря“, „гора в море“, „рыбная тоня с каменным дном“ и др.²⁶

2. 3. 1. В своей монографии о названиях форм рельефа на о. Готланде И. Олссон не только исследовал лингвистический состав топонимов, производных от названного аппелятива, но также сделал попытку дать одновременно и геоморфологическую классификацию соответствующих объектов. Этот ономастический этюд, выполненный в духе лучших традиций направления „*Wörter und Sachen*“, прежде всего внес ясность в представление о форме и значении рассматриваемого готландского слова.

Аппелятив *brite* выступает в составе названий, относящихся к различным географическим объектам на суше (часто на побережье) и в море²⁷. На суше этот термин обозначает выходы на поверхность земли слоев каменных пород, заканчивающихся обрывом. Причем то обстоятельство, что такие обрывы вытянуты в длину, по мысли И. Олссона, должно было сыграть важную

²⁶ Приводится по книге: I. Olsson, *Gotländska terrängord* (Acta universitatis Stockholmiensis, 3), Uppsala, 1959, 112.

²⁷ I. Olsson, ук. соч., 121.

роль в семантике рассматриваемого слова²⁸. Что же касается подводной топонимии, то там *brite* означает протяженные каменные уступы на дне моря, весьма существенные для мест рыбной ловли²⁹.

2. 3. 1. 1. В плане лингвистической географии весьма интересным представляется тот факт, что в отличие от западного восточное побережье Готланда, как выражается автор, „кишит“ названиями типа *Brita*³⁰. А ведь именно восточный берег этого острова выходит в сторону Курземе с его лесом *Brital-mežs*! Не стоит ли этот топоним в одном ряду с *Brita* и под.?

2. 3. 1. 2. Остается добавить, что в попытке найти этимологические связи исследуемого слова шведский лингвист не исключает возможности происхождения готл. *brite* от индоевропейского корня **bhrēi-*, расширенного с помощью *-t*. В таком случае *brite* было бы родственно старослав. *brimva*. Однако в германских языках известно только два примера этого корня (предположительно, средненидерл. *brīne* и под., а также древнеисл. *brīk*), и потому нет достаточной опоры для такой версии³¹.

Более реальным представляется автору объединение *brite* с германским глаголом *writan* „вырезывать, писать, рисовать“, поскольку в готландском говоре известны случаи перехода анлаутного *vr-* в *br-*³².

2. 3. 2. Уже после монографии И. Олссона было опубликовано исследование С. Фриса, который в одном из параграфов своей работы сообщил, что на другом крупном шведском острове — Эланде известен аппелятив *bryttel (bröttel)* „нагромождение камней, межевой знак из камней“³³. Это слово очень часто встречается в старых актах землемеров с этого острова, в частности также и в составе местных географических названий³⁴.

При этом важно подчеркнуть, что автор находит искомый термин и в топонимии континентальной Швеции (например, *Brytteln*, луг под 1727 г.³⁵), полагая, что оттуда он, вероятно, и проник на территорию Эланда³⁶.

²⁸ Там же, 122.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, 124—126.

³² Там же, 123—124, 133 и др. В заключение следует отметить, что в критическом обзоре литературы о топонимии Готланда глава о названиях типа *Brita* была признана наилучшей в книге И. Олссона (L. Alfvegren, *Gotland i Blickpunkten. En kritisk överblick över nyare litteratur om gotländska ortnamn*, Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1961, 48).

³³ S. Fries, *Öländskt och uppsvenskt*, Uppsala, 1962, 37.

³⁴ Там же, 36—37.

³⁵ Там же, 38.

³⁶ Там же, 38—39.

Надо думать, что эландское *bryttel* нельзя отделить от готл. *brite*, а, значит, последнее — и от континентально-шведской топонимии. Очевидно, готландский термин — не изолированное островное образование, а более широкое лексическое явление, варьирующееся в различных шведских говорах. Это обстоятельство может существенно повлиять на выбор этимологической версии для готл. *brite*, поскольку при таком расширении географии слова, которое возникает после ознакомления с данными С. Фриса, аргумент частного фонетического процесса (*wr-* > *br-* в анлауте — см. выше) утрачивает свою силу.

Таким образом, за Готландом с его *brite* дальше стоят Эланд и континентальная Швеция, сохраняющие *bryttel*. А этот факт с точки зрения балтоскандинавских контактов создает еще более глубокую историческую перспективу для курземского *Brital-mežs* и под.

2. 4. 1. Возвращаясь с Готланда и Эланда на север Курземе, мы хотели бы указать на то, что собственно латышским аргументом в пользу прочтения названия *Brital-mežs* как „Каменный лес“ является ряд местных географических названий такого семантического типа, встречаемых в различных районах Латвии. Ср. *Akmenājas-mežs* (Куса, Мадонский р-н), *Akmendziņas* (Лубэзере, Талсинский р-н), *Akmeņdzīņas* (Курсиши, Салдусский р-н), *Akmeņsils* (Мазстраупе, Цесисский р-н) и *Akmiņu-mežs* (Джуксте, Тукумский р-н) (Endz., I (1)14–17). Все эти топонимы образованы от *akmens* „камень“ + термины с общим значением „лес“: *dzīņa (dzire)*, *mežs* и *sils*.

Однако наиболее веским доводом, склоняющим мнение на сторону версии, что *Brital-mežs* — это „Каменный лес“, является концентрация местных географических названий рассматриваемой семантической структуры в самом же Вентспилсском р-не (см. карту № 2). Оказывается, что на территории того же Злекского сельсовета, где зафиксирован *Brital-mežs*, известен и топоним *Akmeņsils* (крестьянская усадьба) (Endz., I (1) 16). Аналогичное как в экстра-, так и в собственно лингвистическом плане название отмечено в окрестностях соседнего со Злекасом Угале — *Akmeņsilas* (Endz., там же). Наконец к северу от этих пунктов, на территории Таргальского сельсовета расположена д. *Akmeņdzīņas* (вар. *Akmeņdzīņu ciems*, *Akmiņdzir-ciems*) (Endz., там же). Таким образом, в Вентспилсском р-не зафиксировано три балтийских топонима типа „Каменный лес“, тогда как на всей остальной территории Латвии (25 районов) — только пять (см. выше). Исходя из этого сопоставления, можно утверждать, что одним из семантических микротипов топонимии Вентспилсского р-на являются названия типа „Каменный лес“. Следовательно, топонимический контекст, в котором находится название леса *Brital-mežs*, позволяет с достаточной степенью уверенности принять

версию о скандинавском, точнее готландско-эландском (шведском) происхождении этого топонима.

2. 4. 2. Вероятно, такое же происхождение, как и топоним *Brital-mežs*, имеет и антропоним *Britals* (см. 2. 1. 1).

2. 4. 3. Что же касается остальных топонимов с элементом *brit-* (лат. *Britas*, лит. *Britgaurė* и *Brytgaurỹnė*), то, к сожалению, мы не располагаем никакими дополнительными доводами для выявления в них семемы „камень“. Впрочем, ср. лит. *giáurė* „известковая почва“ (см. 2.2.2).

2. 1–4. Проведенный анализ позволяет, как кажется, сделать вывод о том, что в курземском топониме *Brital-mežs* сохранился реликт готландской или же готландско-эландской (шведской) лексики. Помимо всего того, что было высказано по этому поводу выше, еще раз напомним о таких лингво-географических деталях, как обилие названий типа *Brita* как раз на „курземском“ побережье острова Готланда (см. 2. 3. 1. 1), возможно, неслучайная локализация рассмотренных литовских топонимов именно в районах обитания древних куршей (2. 2), местонахождение латышской крестьянской усадьбы *Britas* на территории Видземе, свыше 90 лет находившейся под властью Швеции (2. 1. 2) и др.

2. 5. В поисках готландских или шире – шведских следов в топонимии бывших куршских земель мы вместе с тем должны учитывать результаты исследования соответствующего вопроса на территории Эстонии. „Удивительно, что очень древняя иммиграция шведов на различные острова и побережье, – как подчеркнул Л. Кеттунен, – уже не имеет следов после себя в эстонской топонимии. Это объясняется тем, что они (т. е. шведы – А.Н.) пришли не в безлюдную страну, а встретили здесь древние поселения с местными названиями“³⁷. Что же касается районов, где действительно жило также и шведское население, то там встречается „поразительно мало следов этого в названиях урочищ, а также деревень и выселков, например: *Niivi* < *Nyby*, *Eenbi*, *Hoosbi*“³⁸.

Кроме того, наряду с древними и общеупотребительными эстонскими названиями островов известны также и шведские варианты их наименований: *Hiiumaa* (*Dagö*), *Saaremaa* (*Ösel*), *Osmussaar* (*Odensholm*), *Muhu saar* (*Moon*) и др. (см. карту № 1)³⁹.

К этому следует добавить, что шведские топонимы (как основные или только как варианты) локализируются в северной части Эстонии, которая

³⁷ L. Kettunen, Etymologische, Untersuchung über estnische Ortsnamen”(Annales Academiae scientiarum Fennicae, В, ХС, 1), Helsinki, 1955, 364.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

дольше (1561—1721 гг.), чем ее южные районы (совместно с Видземе, 1629—1721 гг.), входила в состав Швеции (см. карту № 1).

Принимая во внимание соображения исторического характера, мы вместе с тем не должны забывать о том, что было бы нереальным ожидать перенесения целых аппелятивных ареалов одного языка в топонимическую систему другого. И если даже Эстония, которая среди республик Советской Прибалтики больше остальных имела в прошлом контактов со Швецией, очень мало сохранила воспоминаний об этом в своей, так сказать, „топонимической памяти“, то тем более трудно ожидать такого от Латвии или Литвы.

3. Готл. *valgar* — лат. *valks*

3. 0. Выше (1. 2. 4) уже упоминалось о названной готландско-латышской параллели, на которую впервые указал Э. Лиден. В данном случае речь пойдет об ее уточнении в свете данных как современной, так и исторической диалектологии латышского языка.

3. 1. По материалам Диалектологического атласа латышского языка термин *valks*, вар. *valciņš* „ручей, ручеек“ характерен исключительно для Курземе⁴⁰, что подтверждается и современными топонимическими данными⁴¹. Со стороны континента ареал этой лексемы ограничивается линией, которая проходит с северо-востока на юго-запад через нас. пункты: Упесгрива, Вандзене, Стенде, Кулдига, Сиексате, Барта (см. карту № 1).

3. 2. В документах, относящихся к территории Курземе XIV—XVI вв., названия с компонентом (вторым) *wal(c)k(e)* встречаются свыше 20 раз⁴², причем в одном случае, как специально подчеркнул В. Кипарский, в памятнике прямо указано на куршский характер такого топонима: 1338 uf eine siip, die hetet *Agmennewalke up Cursch*⁴³. Показательно, что все эти местные географические названия локализируются в том же ареале, что и современные аппелятивы⁴⁴, и только дважды оказываются несколько восточнее проведенной изоглоссы (см. карту). Это относится к таким топонимам как *Mergen-*

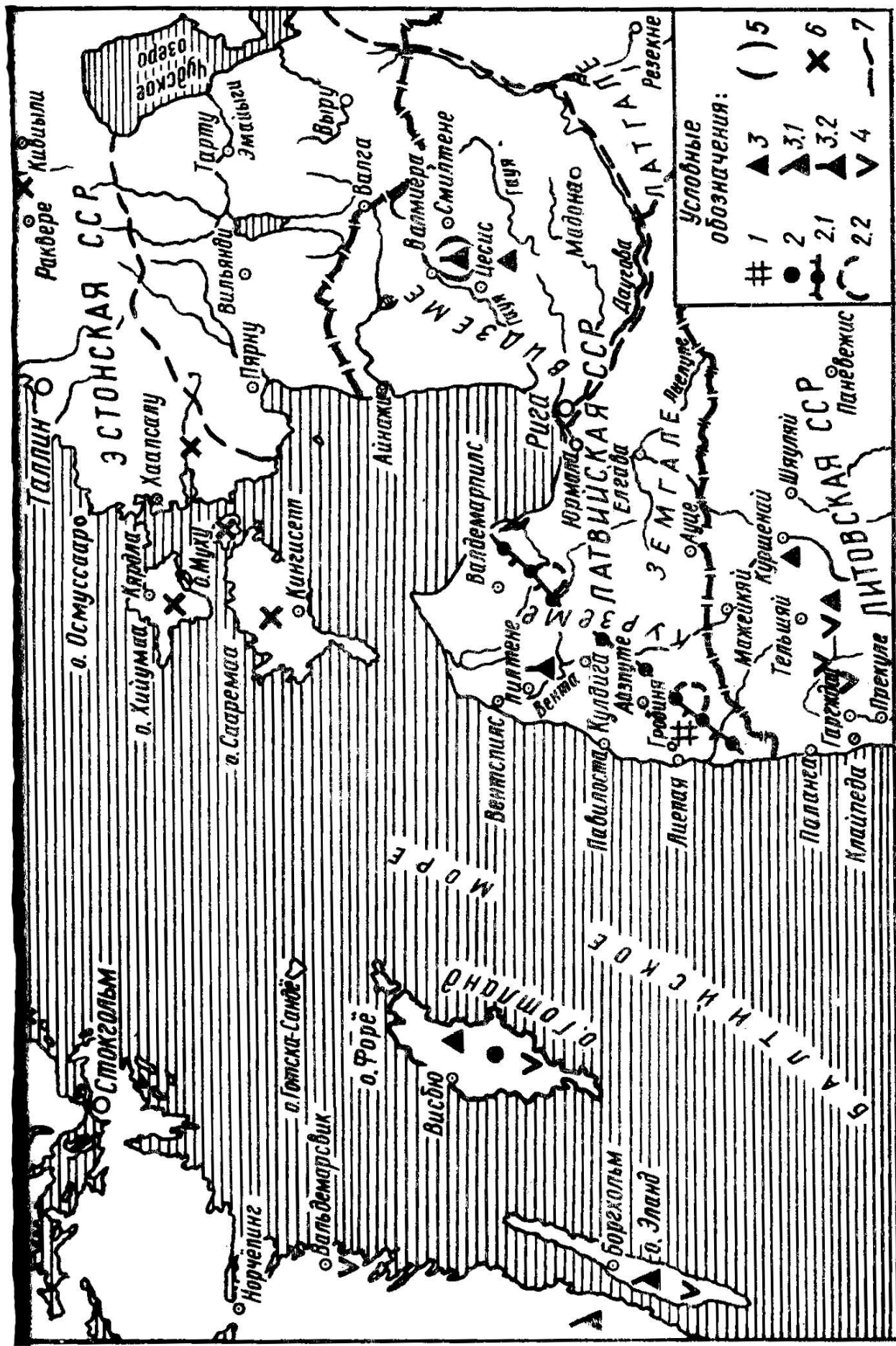
⁴⁰ См. архив Диалектологического атласа латышского языка, ответы на вопросы программы, № 514 (Рига, Институт языка и литературы им. А. Упита АН Лат. ССР).

⁴¹ Подробнее об этом см. А. П. Непокупный, Географические термины и топонимы Украинского Полесья и балтийские (иранские) названия рельефа, — *Baltistica* VI (1970) 13—15.

⁴² V. Kiparsky, ук. соч., 74—175.

⁴³ Там же, 36.

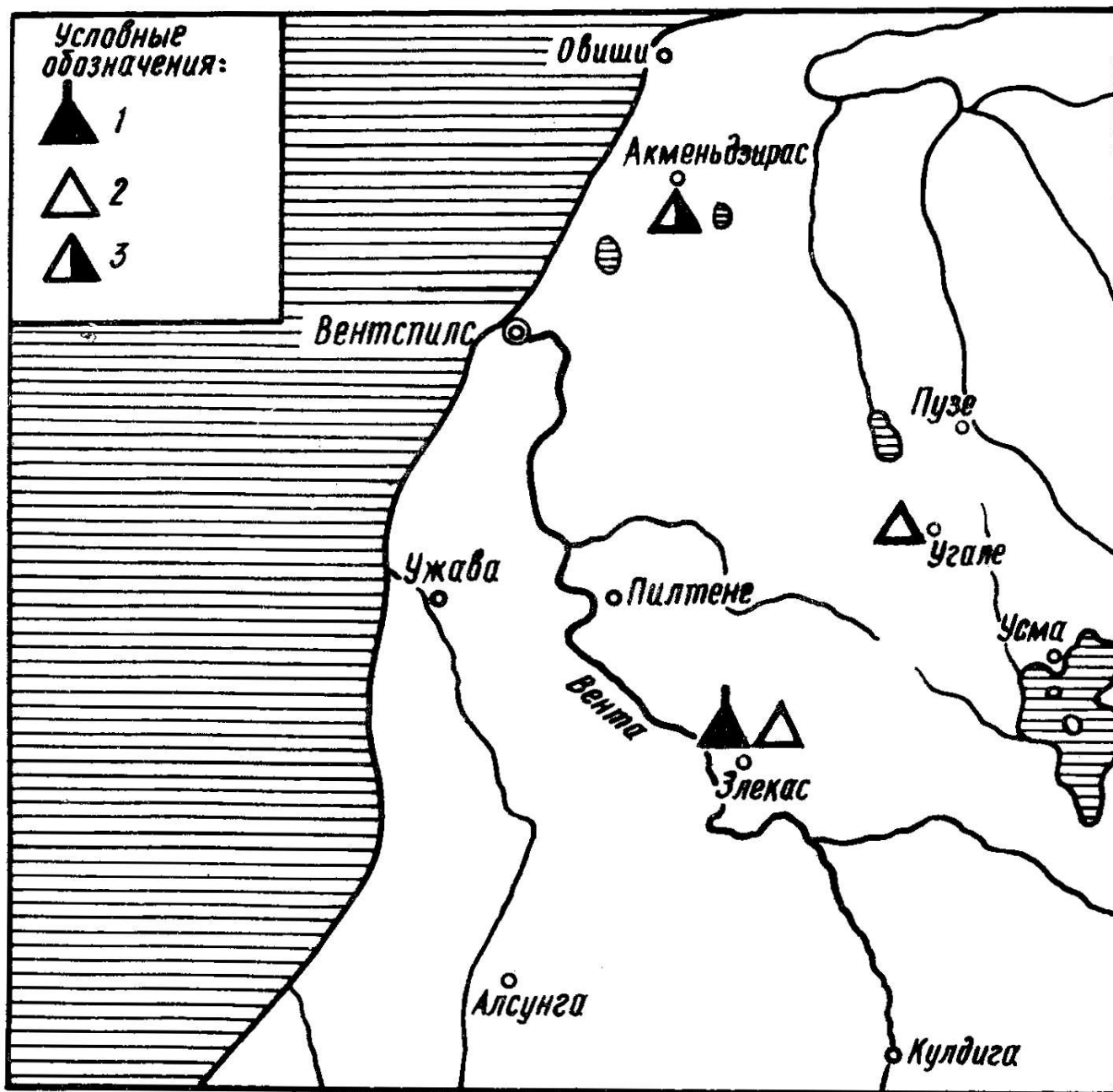
⁴⁴ Это, в частности, окрестности таких населенных пунктов как Дундага, Вентспилс, Талсы, Кулдига, Гробиня и др.

Карта № 1. Готландско (шведско) - балтийские языковые связи.

1 — место готландского поселения VII—VIII вв.; 2 — готл. *vaigar*; 2.1 — юго-восточная граница ареала лат. *vaiks*; 2.2 — отдельные выходы исторических топонимов с *wal(c)k(e)*; 3 — голл. *brite*; лат. *Brīgaire*, *Brūgaire*; лит. *Brīgaire*; 3.1 — швед. *bruttel*; 3.2 — лат. *Brital(s)*; 4 — швед. *-ing* в названиях жителей; 5 — швед. *-ing* в названиях жителей; 6 — шведские топонимы в Эстонии; 7 — граница территории северных районов Латвии и южных Эстонии, входившей в 1629—1721 гг. в состав Швеции. К северу от этой области — владения Швеции в 1561—1721 гг.

walcke (1499, около Стразде) и *Zcyene walk* (1505, близ Эмбуте)⁴⁵. Восточная окраина ареала названий с термином *wal(c)k(e)* хорошо обозначена фиксацией топонима *mallenstrouwte* (1495, к северо-востоку от Стенде, между Вицеден и Одерн)⁴⁶. В данном случае выступает уже термин *strauts* „ручей“, который ареально противопоставляется в латышском рассматриваемому апеллятиву *vaļks* „то же“, и это является лучшим доказательством того, что последний не существовал или по крайней мере уже не господствовал в указанное время на территории к северо-востоку от Стенде.

Карта № 2. Лат. *Brital-mežs* и названия типа „Каменный лес“ в Вентспилском р-не Лат. ССР
 1 — *Brital-mežs*; 2 — *Akmeņsils, Akmeņsilas*; 3 — *Akmeņdziras*.

⁴⁵ V. Kiparsky, ук. соч., 126 и 160.

⁴⁶ Ср. там же, 124.

3. 3. За те полвека, которые прошли после опубликования статьи Э. Лидена, латышский географический термин *val̄ks* полностью, если перефразировать известное выражение, раскрыл свою карту. Из готландско-латышской изоглосса *valgar* – *val̄ks* стала готландско-курземской, и данные исторической диалектологии, которые можно извлечь из топонимии XIV–XVI вв., указывают на длительную традицию существования на крайнем западе Латвии ареала аппелятива *val̄ks*. Эта устойчивость рассматриваемого географического термина усиливает экстралингвистическую ценность готландско-курземской изоглоссы, поскольку ее возникновение можно теперь проецировать в еще более отдаленные времена, чем те, от которых дошли до нас древнейшие топонимы с компонентом *-wal(c)k(e)*.

В лингвогеографическом аспекте готландско-курземская изоглосса представляет значительный теоретический интерес. Во-первых, факты двух диалектов различных языков, несмотря на разъединяющее их море, лингвистически оказываются смежными, т. е. огромная водная преграда в данном случае оказывается как минимум нейтральной к языковым сопереживаниям двух разделенных ею этнических территорий. Во-вторых, – и это уже более частный план собственно балто-германских (скандинавских) языковых отношений – пример готландско-курземской пары *valgar* – *val̄ks* уже на аппелятивном уровне подтверждает тот тип ареальных связей балтов (точнее, западных окраин Латвии и Литвы) с германцами, который на топонимическом материале ранее был намечен О. Н. Трубачевым⁴⁷.

---

⁴⁷ О. Н. Трубачев, Заметки по этимологии и ономастике (на примере балто-германских отношений), – сб. Питання ономастики, Київ, 1964, 31.